

ЮРИИ ШИБЛЕВ

КОНТУР

КНИГА ПЕРВАЯ

ГИГАХРУЩЁВКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Шиблев

К. О. Н. Т. У. Р. Книга

Первая: Гигахрущевка

<https://litres.ru/73999771>

SelfPub; 2026

Аннотация

К.О.Н.Т.У.Р.

Контроль Объектов Неизвестного Типа и Условной Реальности

1989 год. Закрытый город Бархан-10. Серые пятиэтажки, вечная осень, и чёрная громада на горизонте — Гигахрущевка. Сто этажей мёртвого бетона, обнесённых трёхметровым забором. Запретная зона для всех, кроме сотрудников Конторы — секретной организации, которая сдерживает аномальное заражение.

Миша — оперативник. Он не помнит своего прошлого. Но когда заражение убивает ту, кого он любил, Миша начинает задавать вопросы. И чем глубже он копает, тем яснее понимает: Контора не просто сдерживает заражение. Она его использует. И он сам — часть этого эксперимента.

Мрачный, атмосферный роман в жанре «советский хоррор». Первая книга цикла.

Юрий Шиблев

К. О. Н. Т. У. Р. Книга Первая: Гигахрущевка

Глава 1.

19 сентября 1989 года. СССР. Бархан-10.

Ночные осенние улицы медленно проплывали за тонированным окном. Серые, однотипные пятиэтажки смотрели на Мишу тёмными провалами окон, и лишь редкие робкие огоньки в некоторых квартирах разбавляли эту привычную рутину. Вдалеке, на границе горизонта, чернела громада Гигахрущевки — сто этажей, по форме напоминающих гигантскую башню «Дженга». Здание окружал трёхметровый бетонный забор метровой толщины. Запретная зона для всех, кроме военизированного подразделения К.О.Н.Т.У.Р.

Автомобиль — серый УАЗ-452 с тонированными окнами и жёлтой полосой на борту, где белыми буквами значилось «Газовая служба», — медленно полз по привычному маршруту. Очередная ночь, очередная проверка.

Состав группы сегодня был без изменений, за исключением одного новичка.

За рулём — Саша. Молодой парень двадцати пяти лет, только вернувшийся из армии. Высокий, коротко стриженный, рыжие волосы, яркие, живые зелёные глаза. Его руки в чёрных кожаных перчатках уверенно сжимали руль — никакой нервозности, он, похоже, уже успел привыкнуть к ночной работе. Одет в строгий чёрный костюм с белой рубашкой, красным галстуком и чёрными туфлями.

Рядом с Мишей на заднем сиденье расположился Василий Петрович. Мужчина пятидесяти четырёх лет, седые волосы, аккуратная седая борода, серые, уставшие, но по-прежнему цепкие глаза. Ветеран подразделения. На всё происходящее он смотрел как на привычную рутину, без тени лишних эмоций. Одет так же: в чёрный костюм с белой рубашкой, красным галстуком и чёрными туфлями. На руках — чёрные кожаные перчатки.

Впервые с группой сегодня ехала Анна — худенькая, невысокая девушка, младший научный сотрудник из отдела исследований и замеров. Светлые длинные волосы собраны в аккуратный хвост, на носу — очки в тонкой роговой оправе. Голубые глаза, в которых плескалась смесь страха и волнения. Её первый выезд. Одета в строгий чёрный женский пи-

джак, белую рубашку, юбку чуть ниже колена и чёрные женские туфли на среднем каблуке. Её тонкие, аккуратные пальцы нервно сжимали выключенный прибор БАС-М — жёлтую коробочку с рукояткой, небольшим дисплеем, кнопкой включения на боку и встроенным в корпус динамиком.

Миша достал из кармана мягкую пачку заграничного «Мальборо», выудил сигарету и чиркнул спичкой. С видимым удовольствием откинулся на спинку сиденья и глубоко затянулся едким, тёплым дымом.

— Две минуты до точки, — негромко произнёс Саша, не отрывая взгляда от дороги.

Миша докурил и с ленивой небрежностью затушил окурок прямо о пол машины, оставив бычок там же.

— Никакого уважения к казённой собственности, Миша, — усмехнулся Василий Петрович, покосившись на него.

— Совершенно никакого, — безразлично ответил тот и закатил глаза.

— Мы на месте.

Машина мягко остановилась у входа в метро. Группа

неторопливо выбралась наружу, в холодную осеннюю прохладу. Улицы были абсолютно пусты. Город давно спал, и они могли спокойно, без лишних глаз, делать свою работу.

Все четверо спустились ко входу в метрополитен. Стекло-дверные двери были закрыты. Василий Петрович достал из внутреннего кармана пиджака связку служебных ключей, отпер одну из створок и потянул её на себя. В ту же секунду в нос ударил тяжёлый, приторно-сладковатый запах. Сирень и сера.

Плохой знак.

Анна включила БАС-М слегка дрожащими руками. Экран загорелся синим и тут же высветил значение: 350 УЕИЗ (условные единицы измерения заражения).

— М-да... Дело пахнет керосином, — безэмоционально протянул Василий Петрович.

Миша отреагировал безразлично. Саша — тоже, лишь в его зелёных глазах на мгновение мелькнул знакомый азарт охотника. И только Анна задрожала сильнее.

— Голубушка, может, ты останешься в машине? — почти по-отечески улыбнулся Василий Петрович и аккуратно по-

ложил руку ей на плечо. — А мы уж как-нибудь сами.

— Н... н-нет. Все в порядке, — слегка дрожащим голосом, пытаясь изобразить улыбку, ответила Анна. — У меня тоже задание руководства. Я должна всё замерить и записать.

— Ну, тогда — вперёд, дамы и господа.

Они начали медленно спускаться по бетонным ступеням, ведущим на платформу. Платформа встретила их звенящей, неестественной тишиной и пронизывающим холодом. Запах сирени и серы усилился. БАС-М в руках Анны издал короткий тревожный звон и обновил показания: 700 УЕИЗ.

Миша достал из-под пиджака с пояса рацию, включил её и доложил:

— Контроль, группа на месте, запускайте вагон.

Тридцать секунд статических помех. Затем сквозь шипение пробился искажённый ответ:

— Принято. Время прибытия — одна минута.

Они стояли и вслушивались в тишину.

Ничего.

Спустя две минуты из чёрного зева тоннеля к платформе бесшумно подплыл состав — обычный вагон метро с кабиной машиниста. Миша попытался разглядеть того, кто сидел за стеклом, но не смог. Лицо машиниста тонуло в густой тени. Странно.

Двери с шипением распахнулись. Группа зашла внутрь и расселась: Миша и Саша по одну сторону, Анна и Василий Петрович — напротив.

— Странно. Сегодня с опозданием, — с лёгкой улыбкой заметил Миша. — Надо будет доложить Сергеевичу. Нарушает график.

Вагон тронулся. Платформа поплыла назад и вскоре исчезла за окнами. Они въехали в тоннель, освещённый штатным аварийным рядом тусклых ламп.

— Странно, — тихо произнесла Анна, водя ручкой по блокноту, который достала из внутреннего кармана пиджака. — Показания стали снижаться.

Миша перевёл взгляд на прибор. 200 УЕИЗ.

— Значит, ложная тревога, — спокойно заключил Василий Петрович. — Либо источник заражения находился на платформе. Не переживай, голубушка. Сейчас доложим, попросим машиниста остановить на следующей станции, а оттуда по служебным помещениям доберёмся обратно. Миша, доложи.

Он внимательно посмотрел на него. Миша снова включил рацию. В динамике — всё тот же монотонный статический шум, не прекращающийся ни на секунду.

— Контроль, запрос на остановку на следующей станции. Источник заражения не в тоннеле. Приём.

В ответ — тишина и помехи.

— Рухлядь, — с раздражением бросил Миша, убирая рацию. — Скажу Антону, чтобы заменил их наконец.

— Однако длинный тоннель, — задумчиво протянул Саша, вглядываясь в окно. — Уже десять минут едем, а станции всё не видно.

Анна перестала писать и начала нервно озираться. За окнами — всё те же лампы. Всё тот же тоннель. Бесконечный.

— Ладно, молодежь, не паникуем, — поднялся со своего места Василий Петрович. — Я дойду до машиниста. Сделаем всё по старинке.

И в этот момент свет в вагоне начал мерцать. Несколько секунд — и он погас полностью.

В кромешной тьме прибор БАС-М взорвался пронзительным писком. На синем экране бешено побежали цифры: 300... 700... 1200... 1500. Экран окрасился в тревожно-красный. Сигнал сменился — теперь это был звук, похожий на сирену ядерной тревоги. Из динамика прибора бездушный роботизированный женский голос произнёс:

— Внимание. Критический уровень заражения. Всем сотрудникам К.О.Н.Т.У.Р. покинуть опасную зону.

Свет резко зажёгся — неестественно яркий, режущий глаза.

Вокруг них стояли люди. Мужчины, женщины, дети в обычной гражданской одежде. Они появились из ниоткуда, заполнив вагон по бокам. Их лица были искажены огромными, неестественными улыбками. Глаза — неестественно выпучены. В них не было ни мысли, ни жизни. Только пустота.

Василий Петрович медленно, очень медленно опустился обратно на сиденье рядом с Анной и едва слышным шёпотом приказал:

— Всем оставаться на своих местах. Ни в коем случае не смотреть им в глаза. Миша, Саша — приготовить нейтрализаторы аномалий.

Он незаметно достал из-под пиджака гранату, формой напоминающую М84. Миша и Саша молча повторили за ним.

Анна тряслась от ужаса. Её пальцы разжались, и БАС-М с гулким стуком упал на металлический пол. По инерции она нагнулась вперёд, чтобы поднять его, но каблук застрял в решётке пола. Девушка запнулась и упала прямо под ноги безмолвной улыбающейся толпе.

В ужасе она медленно подняла глаза — и встретила взглядом с мужчиной лет тридцати. Тот смотрел на неё сверху вниз, растянув рот в невозможной, леденящей душу улыбке. Вся толпа синхронно, как единый организм, подалась вперёд, приближаясь вплотную.

— Сейчас! — крикнул Миша.

Синхронно: Миша, Саша и Василий Петрович выдернули

кольца и бросили гранаты себе под ноги.

Резкий, невыносимо громкий взрыв. Ослепительная белая вспышка, прожѐгшая всё вокруг. В нос ударила едкая волна запаха уксуса, капли раствора обожгли лицо. У Миши резко закружилась голова. Адский, нечеловеческий вой десятков глоток ввинтился в уши.

Он рухнул на холодный пол вагона. Сознание погасло.

Темнота. И резкая, оглушительная тишина.

Спокойствие...

Миша медленно открыл глаза. Он всё в том же строгом чёрном костюме, белой рубашке и красном галстуке, чёрных туфлях и чёрных кожаных перчатках. Он сидел в полной пустоте, на коричневом кожаном диване, освещаемый лишь невидимым кругом лампы где-то наверху. Рядом лежал выключенный прибор БАС-М.

«Чёрт... где я... где остальные...» — Миша медленно повернул голову в разные стороны, но острая боль в голове ударила резко, отчего он схватился за виски. В глазах начало

всё расплываться. Миша медленно поднял взгляд в темноту — и там виднелся чей-то силуэт. Он попытался подняться с дивана, но тело перестало его слушаться, словно впало в ступор.

— Михаил, вы должны успокоиться, действие седативного препарата начало действовать, вы всё равно не сдвинетесь с места, — раздался мягкий голос Анны из темноты.

Она медленно вышла из мрака, держа в руках деревянный стул со спинкой.

Одета она была так же, как и в метро: чёрный женский пиджак, белая рубашка, чёрная юбка чуть ниже колена. Всё вроде бы нормально, но из-под рубашки, в области сердца, проступало тёмное пятно крови. Туфли отсутствовали, ноги были покрыты лёгкими ссадинами и кровоподтёками. Волосы, вместо привычного хвоста, были распущены. Но всё это не смущало её. Её глаза из-под очков внимательно смотрели на Мишу.

Она медленно поставила стул напротив него, неторопливо села, закинув ногу на ногу, достала из внутреннего кармана пиджака блокнот с ручкой и начала что-то читать, периодически делая пометки.

— Анна, что происходит, где мы? — спросил Миша серьёзно, чуть повысив голос.

— Михаил, что вы чувствуете, когда слышите следующие числа: 26... 0... 4... 19... 86... 1... 23... 50, — не меняя ни лица, ни тона, спросила Анна.

— Что за бред, выпустите меня отсюда, вы что, с ума все посходили?! — Миша сорвался на крик, попытался снова подняться с дивана, но тело не отреагировало.

Прибор БАС-М неожиданно включился — и сразу красное табло, показатель 2000 УЕИЗ. Миша перевёл взгляд на прибор, затем медленно перевёл глаза на Анну.

Она улыбнулась неестественной улыбкой, бросила на пол ручку и блокнот, сняла очки и швырнула их туда же. Стёкла разбились и выпали из оправы. Она наступила на осколки босой ногой, не замечая этого и не испытывая боли. Подошла к Мише вплотную — и её глаза вместо привычного цвета были полностью чёрными. Пронизывающая адская пустота.

— 26... 0... 4... 19... 86... 1... 23... 50, вспоминай, боец, — Анна левой рукой слегка сжала горло Миши, не сильно, но ощутимо.

— Пошла ты, — зло прохрипел Миша.

Прибор БАС-М выл от напряжения, выдавая нереальную цифру в 8000 УЕИЗ. Только в одном месте на этой планете может быть такое значение. Гигахрущевка. Запретная зона.

— 26... 0... 4... 19... 86... 1... 23... 50, группа ликвидации «Восток», — Анна сжала горло Миши сильнее, затем отвела правую руку чуть назад и с нечеловеческой силой и скоростью ударила его в область сердца, пробивая грудную клетку.

Миша кричит от боли — и дальше темнота. Тишина.

Темнота такая сладкая и манящая. Но где-то издалека, как сквозь вату, слышится мужской голос.

— Разряд... ещё... ещё... он очнулся... Михаил, вы слышите меня?

Темнота медленно рассосалась. Миша открыл глаза.

Он лежал на холодном бетонном полу перрона станции метро. Рядом с ним сидели Василий Петрович, Саша и Анна. Все они пили что-то из серебряных фляжек с логотипом К.О.Н.Т.У.Р. Рядом стояли трое человек в чёрных длин-

ных пальто, под которыми виднелись серые строгие костюмы, чёрные рубашки и чёрные галстуки. На руках — белые кожаные перчатки. На левых предплечьях пальто — красные повязки с белыми буквами «Дружинники». Медицинская служба К.О.Н.Т.У.Р. в городской униформе.

Помимо них, на перроне находилось шестеро человек в чёрных костюмах химзащиты, чёрных берцах, с чёрными тактическими поясами, на которых висело несколько чёрных тактических подсумков. Поверх костюмов химзащиты надеты тяжёлые тактические военные бронежилеты чёрного цвета, с нашивкой на спине серебряными буквами К.О.Н.Т.У.Р. Лица их были скрыты чёрными противогазами.

Двое из них стояли у выхода из метро, двое — у одного входа в тоннель, двое — у другого.

— Василий Петрович, не ожидал от вас такого безрассудства, — произнёс голос позади Миши.

Никто не заметил, как он появился на перроне. Высокий, лысый мужчина лет сорока, с тонкими усиками, как у Сальвадора Дали, одетый в строгий костюм-тройку зелёного цвета, белую рубашку, коричневый галстук с серебряным зажимом. В нагрудном кармане пиджака — коричневый однотонный платок. Обут в коричневые лакированные туфли.

На руках — коричневые кожаные перчатки. В руках — чёрная трость с серебряным набалдашником в виде змеи. Глаза скрыты чёрными круглыми очками, как у кота Базилио.

Заместитель начальника оперативного отдела. Сергей Валентинович.

Василий Петрович, Саша, Миша и Анна тяжело поднялись с пола. Анна смотрелась слегка комично и нелепо: она стояла босиком, так как у её туфель сломались каблуки, и держала их в руках, параллельно пытаясь поправить треснувшие очки.

— Потрудитесь объяснить, почему вы не дождались спецвагона конторы и самостоятельно пошли в тоннель, нарушая все возможные инструкции? — голос Сергея Валентиновича звучал спокойно, но в нём звенела сталь и слышалось лёгкое раздражение.

— Сергей Валентинович, я не понимаю, о чём идёт речь. Вагон прибыл после нашего запроса. Мы действовали по инструкции. Мы также докладывали о возвращении обратно на станцию метро, так как источник заражения явно был не в тоннеле, — разгневанно выдал Василий Петрович.

— Рации — гавно, связь — не к чёрту, какие к нам могут

быть вопросы! — довольно дерзко и с напором сказал Саша, но, поймав строгий взгляд Василия Петровича, замолчал и опустил глаза в пол.

— П... показания слишком высокие, это не просто аномалия, вблизи аномалий таких показаний не должно быть. Это просто нонсенс, я всё записала. Сейчас я вам покажу, — чуть заикаясь, робко произнесла Анна.

Она хотела достать блокнот из внутреннего кармана пиджака, но сломанные туфли в руках мешали ей. С лёгким раздражением она выбросила туфли на рельсы метро, слегка дрожащими руками достала из внутреннего кармана блокнот и открыла его.

— Смотрите: 700 УЕИЗ уже при входе! Это феноменально, такого я не видела никогда...

Громкий стук трости об бетонный пол перрона прервал Анну.

— Анна Николаевна, вы всё изложите в своём рапорте, а пока что нам всем нужно уходить, — жёсткий голос Сергея Валентиновича эхом пронёсся по всей станции.

Он развернулся и пошёл к выходу.

— Всем подразделениям вернуться в Центр. Жду доклады от всех к двенадцати ноль-ноль, — бросил он напоследок.

Шестеро военизированных сотрудников в костюмах химзащиты синхронно ушли наверх, к выходу. Трое из медицинской службы в длинных чёрных пальто тоже поднялись наверх.

Миша, Василий Петрович, Саша и босая Анна остались одни в звенящей тишине станции метро.

Василий Петрович отодвинул рукав пиджака и взглянул на часы.

— Ладно, ребяташки, уже шесть ноль-ноль. Скоро будут гражданские, нужно выдвигаться в Контору.

Миша, Василий Петрович, Саша и Анна медленно поднялись наверх, вышли на улицу. Осенний рассвет встретил наших героев. На улице уже появились первые гражданские, спешащие на работу в раннюю смену. У входа в метро всё так же стоял серый УАЗ-452 с тонированными окнами и жёлтой полосой на борту, где белыми буквами было написано «Газовая служба». Миша, Василий Петрович и Анна сели в салон, Саша сел за руль. Минуту все молчали. Потом Анна на-

чала тихонько плакать, забралась на сиденье с босыми ногами, крепко обхватила колени руками и, уткнувшись в них лицом, начала громко рыдать. Все продолжали нервно молчать, понимая её состояние.

— Саша, трогай, — тихо сказал Василий Петрович.

Саша завёл мотор, и автомобиль тихо поехал по утреннему городу, озаряемому лёгким светом рассвета.

На горизонте всё так же стояла Гигахрущевка, напоминая Мише о мрачном видении.

Серое квадратное двухэтажное здание Центра встречало рассвет как всегда безликими окнами. Для простого обывателя это была обычная муниципальная контора газовой службы, обнесённая забором из стальных прутьев с единственными воротами для въезда и выезда служебных автомобилей. На парковке стояли те самые серые УАЗ-452 с тонированными окнами и жёлтой полосой на борту, где белыми буквами было выведено: «Газовая служба». С виду — рутина, каких полно в любом городе. Но всё это было дымом и зеркалами.

Действительно, оба надземных этажа занимали ничего не подозревающие сотрудники и руководство городской газовой службы. Но если войти в здание, пройти по длинному коридору мимо поста охраны, где вечно улыбается вахтёр дядя Толя — семьдесят лет, копна кучерявых седых волос и борода, как у Деда Мороза, — дойти до лифта, зайти в него и нажать три раза кнопку «стоп», а затем два раза кнопку вызова диспетчера... то вы спуститесь вниз на три этажа и окажетесь в Центре.

Никакого футуристического пафоса, о котором вещают советские писатели-фантасты, никаких внеземных технологий и ярких цветов. Центр представлял собой длинный широкий коридор, выкрашенный в стерильно-белый цвет. По левую сторону располагались четыре обычные деревянные двери, выкрашенные той же белой краской, с чёрными табличками и белыми надписями: «Оперативный отдел», «Научно-исследовательский отдел», «Медицинский отдел» и, наконец, «УГБР» (Ударная группа быстрого развёртывания).

По правую сторону, строго напротив, шли такие же двери, но уже пять штук: кабинет заместителя начальника оперативного отдела Сергея Валентиновича; кабинет начальника оперативного отдела — табличка с именем отсутствовала, последний начальник погиб при загадочных обстоятельствах

пару месяцев назад, и замену ему то ли не нашли, то ли не искали (бюрократические игры здесь мало кого волновали); кабинет начальника Научно-исследовательского отдела Карла Валентиновича; кабинет начальника Медицинской службы Ирины Захаровны; и в самом конце — кабинет с табличкой «Командир подразделения УГБР Артем Викторович».

Фамилий в организации не носил никто. Обращение допускалось только по имени-отчеству или, в зависимости от должности, просто по имени. Мера безопасности.

Самый главный кабинет находился ровно по центру, прямо по курсу от лифта, в конце коридора. Никаких табличек на нём не было, и только дорогие, вычурные двухстворчатые деревянные двери выдавали присутствие за ними важной фигуры. Директора К.О.Н.Т.У.Р. Насколько было известно, никто из ныне работающих сотрудников, включая начальников отделов, никогда не видел Директора лично. Указания приходили в письмах по аэротрубе, установленной в каждом кабинете. Там же, в кабинетах начальников, стояли красные стационарные телефоны советского образца — по ним передавались лишь самые важные поручения, и кому принадлежал голос на том конце, не знал никто. Фигура Директора была поистине мифической и внушающей страх. Но всё это не важно сейчас.

В кабинете Оперативного отдела, за большим общим столом, сидели Миша, Саша и Василий Петрович. Перед каждым стояла печатная машинка, сбоку лежала стопка чистых листов, и каждый что-то сосредоточенно печатал. Убранство кабинета было спартанским: на стене висела карта города с пометками, рядом — круглые настенные часы, большой стол, за которым восседали наши герои, один сиротливо пустующий стул и старый сейф со служебным снаряжением.

Часы показывали 11:30. Через полчаса рапорты нужно было сдать Сергею Валентиновичу.

— Ей-богу, задолбала эта писанина! — с раздражением воскликнул Саша и с силой откинулся на спинку скрипнувшего деревянного кресла.

— Саша, хорошо написанная бумажка — это хорошо прикрытая... репутация, — со смешком отозвался Василий Петрович.

— Да к лешему её! Он же выставил нас некомпетентными дураками, чёрт лысый! — не унимался Саша.

— Тише, дурак, — уже серьёзнее, но всё ещё с улыбкой на губах, осадил его Василий Петрович. — Неизвестно, где у них глаза и уши. Зачем тебе портить едва начавшуюся служ-

бу из-за эмоций?

— А как вообще такая высокая фигура, как Сергей Валентинович, да ещё и бойцы УГБР, которых гражданские видеть не должны, оказались на станции? — спросил Миша громко, но как бы невзначай, не отрывая взгляда от клавиш печатной машинки.

Саша и Василий Петрович недоумённо переглянулись.

— Миша, — осторожно произнёс Василий Петрович, — разве не ты подал сигнал тревоги в Центр? Рация для связи ведь была только у тебя.

— Я после взрыва НПД-3 ничего не помню, — безразлично ответил Миша, старательно пряча ложь. Делиться своим видением он не был готов ни с кем. — Только как очнулся уже на станции метро. Тем более, рацию я так и не нашёл. Видимо, растворилась вместе с аномалией, — с лёгким смешком добавил он.

— Ну ёб твою душу через колено! — почти истерично засмеялся Саша. — И так вокруг чертовщина, а тут ещё и начальство — экстрасенсы! Я думал, мы со всем этим дерьмом наукой воюем!

Иногда на него находило, особенно на нервной почве. За два года в Афганистане он видел столько смертей и зверств, о которых не говорят ни по телевизору, ни в газетах. Он знал, как бить душманов, но, сталкиваясь с тем, с чем они боролись здесь, он терялся и переставал контролировать слова и эмоции.

— Я думаю, при уничтожении рация автоматически подаёт сигнал тревоги в Центр, — задумчиво произнёс Василий Петрович. — Так же, как и БАС-М. Аня ведь тоже не смогла найти его после инцидента. Но это лишь мои догадки, ребята.

Мишу невольно передёрнуло. В голове на мгновение вспыхнул оглушительный визг прибора и показания в 8000 УЕИЗ из видения. А может, и не видения.

Тихий стук в дверь прервал их разговор.

— Войдите! — громко отозвался Василий Петрович.

Дверь тихонько приоткрылась, и в кабинет скромно вошла Анна.

На ней был белый лабораторный халат чуть ниже колена, и тот факт, что под ним, кажется, ничего не было, сразу бро-

сался в глаза. Распущенные волосы были слегка влажными. Очков на ней не было. В отделе исследований имелся специальный душ, смывавший все поверхностные воздействия заражения с кожи и одежды, но его можно было использовать и как обычный — чем Анна, видимо, и воспользовалась. На ногах — простые белые шлепанцы; сами ступни в местах недавних ссадин и порезов были аккуратно перевязаны бинтами. В руках она держала чёрную папку с документами.

Она робко улыбнулась всем присутствующим: Василию Петровичу, Саше. На Мише её взгляд задержался чуть дольше. Анна покраснела и на секунду смущённо отвела глаза, но тут же снова посмотрела на него, уже с более тёплой улыбкой. Миша перехватил этот взгляд и неловко улыбнулся в ответ, но в ту же секунду внутренне оцепенел от ужаса. Перед глазами на мгновение встала та, другая Анна с чёрными провалами глаз и неестественным оскалом.

Наваждение исчезло так же быстро, как и появилось. Миша снова посмотрел на Анну и заметил в её глазах беспокойство.

— Анечка, ты почему ещё здесь? — участливо, по-отечески произнёс Василий Петрович. — Тебе ведь разрешено сдать рапорт и идти домой пораньше.

— Всё в порядке, — ответила Анна, присаживаясь на свободный стул рядом с Мишей. — Простите за внешний вид. Всю мою одежду уничтожили, чтобы исключить возможность переноса заражения, а запасной у меня с собой не оказалось. Но я должна поделиться с вами своими догадками.

— Ха! — усмехнулся Саша. — Значит, у учёных голов только догадки? Я так тоже могу — на кофейной гуще нагадать.

— Ну, всё справедливо, — без обиды, но ехидно парировала Анна, — не хуже оперативного отдела, который умудрился угодить прямиком в аномалию.

— Аня, расскажи, что ты думаешь, — примиряющим тоном попросил Василий Петрович. — Что там на самом деле произошло?

Анна открыла папку и, заглядывая в свои записи, заговорила свободно, пересказывая суть рапорта и не стесняясь в выражениях:

— Это прозвучит как долбаный бред. Крупные объекты инфраструктуры обрабатываются каждый день, возможность заражения в теории равна нулю. Но, исходя из показа-

ний БАС-М, которые я успела записать, плюс характерный запах при входе... у меня складывается только один вывод. Сама станция метро — и есть аномальный объект. Мало того, она способна генерировать мимиков людей. А также создавать внутри себя объекты, как тот вагон, в который мы сели. А это значит... в этой аномалии есть все признаки возможного прорыва реальности.

Миша, Саша и Василий Петрович ошеломлённо молчали.

— Ань, ты ведь понимаешь, — осторожно начал Василий Петрович, — что единственное место в мире с зафиксированным прорывом реальности уже изолировано. И оно находится здесь, в нашем городе. Мы все видим его из любой точки. Думаю, не стоит напоминать, сколько усилий и жертв стоило Конторе, чтобы сдержать эту заразу и создать Запретную зону. И потом, почему не было инцидентов раньше? С гражданскими? Никаких сообщений о пропажах, ничего...

— Я понимаю, Василий Петрович, это звучит ещё бредовее, но это только плюс в копилку моей теории, — Анна нахмурилась, вглядываясь в свои записи. — Объект понимал, кто мы такие, и предпринял все силы, чтобы нас устранить и не выдать себя. Точно так же вели себя первые три этажа Гигахрущевки с самого начала прорыва. Так и здесь: объект не выдавал себя, не вредил гражданским, чтобы разрастись

и, возможно, уже заразить другие крупные места скопления людей по соседству.

— Значит, нужно расхерачить эту станцию ночью к чертям! — с плохо скрываемым азартом предложил Саша. — У нас же есть протокол зачистки?

— Не всё так просто, Саша, — покачал головой Василий Петрович. — Чтобы инициировать зачистку и уничтожение элемента городской инфраструктуры, нужны железобетонные доказательства, что иным способом угрозу не устранить. А если верить словам Анны... мы снова стоим на пороге катастрофы.

— Могу предположить, — спокойно заговорил Миша, глядя прямо на Анну, — что, если в городе появляется второй объект с прорывом реальности, это значит, что защита вокруг Гигахрущевки слабеет. И её зараза начинает расползаться по городу. Я прав, Анна?

— Всё верно, Михаил, — кивнула она. — Но вы все понимаете: такая идея крайне опасна для озвучивания. Высшее руководство не поверит нам без доказательств. А это значит, нам стопроцентно запишут провал операции по нашей вине и на этом всё. Долбаная бюрократия! — Анна с досадой, но ощутимо стукнула кулаком по столу.

Миша взглянул на настенные часы. 11:55. Через пять минут нужно было идти в кабинет к Сергею Валентиновичу.

— Значит так, дамы и господа теоретики, — уверенно сказал Миша, вставая. — Сдайте все свои рапорта мне. Я сам доложу начальству.

— Миша, я всё-таки старший в отделе! — резко вскочил со стула Василий Петрович. — Если кто и будет докладывать самоубийственные вещи, то это буду я.

Миша успокаивающе поднял ладонь, останавливая его пыл:

— Василий Петрович, вы самый старший в отделе. И по возрасту, и по должности, и по опыту. Поэтому вы и не пойдёте. Потерять вас — критический удар для всей Конторы. Пойду я, и точка, — произнёс он спокойно, но с нотками стали.

Все подавленно молчали.

Миша обошёл каждого сидящего за столом и забрал рапорты. Уже у двери он обернулся ко всем с улыбкой:

— Не грустите. Как говорится: будем живы — не помрём.

И вышел.

В коридоре Миша на пару секунд остановился, сделал глубокий вдох и полный выдох, и направился напрямиком к двери с табличкой «Заместитель начальника оперативного отдела Сергей Валентинович». Дойдя, он на мгновение усмехнулся и без стука резко шагнул в кабинет.

Сергей Валентинович сидел на дорогом деревянном стуле с высокой спинкой, за таким же массивным, вычурным столом. На столе тихо светила зелёная настольная лампа. Её скромный луч выхватывал из полумрака открытую папку с документами и горизонтальный лоток на шесть секций, где аккуратно выстроились коричневые папки с делами. Чуть поодаль, начищенный до блеска, стоял красный телефон.

Одет Сергей Валентинович был как при встрече в метро: всё тот же безупречный зелёный костюм-тройка, на руках — коричневые кожаные перчатки. Чёрная трость с серебряным набалдашником в виде змеи стояла рядом, упёртая в левый край стола. Глаза, как всегда, скрывали круглые очки с тёмными стёклами.

Кабинет тонул в полумраке, и определить его истинные размеры было невозможно. На стене, сразу за спиной хозяина кабинета, виднелась аэротруба. Рядом с ней — небольшой стеклянный журнальный столик, на котором лежали запечатанные конверты с красной сургучной печатью.

Когда Миша без стука, с прежней дерзостью шагнул в кабинет, Сергей Валентинович, казалось, даже не удивился. Не возмутился. Он молча поднял голову и посмотрел на вошедшего. Взгляд его был скрыт неизменными чёрными линзами, но кожей чувствовались исходящая от него сила и постоянное оценивание.

— Пунктуально, как всегда, Михаил, — спокойно произнёс Сергей Валентинович, бросив взгляд на массивные серебряные часы на правом запястье. — Только в следующий раз прошу тебя стучаться. И соблюдать хоть какое-то подобие субординации.

— В следующий раз я обязательно учту ваши пожелания, Сергей Валентинович, — едва заметно усмехнулся Миша.

Он молча подошёл к столу, положил пачку рапортов прямо перед заместителем начальника и сделал два шага назад, внимательно глядя на него.

— Как вы и просили, там всё подробно. Вплоть до секунды расписано каждое наше действие. С нашей стороны ошибок совершенно не было.

Сергей Валентинович, не глядя, достал из лотка одну из папок, вложил в неё рапорты — даже не перелистав, — и убрал обратно. Снова посмотрел на Мишу.

— Даже не посмотрите? Не причитаете? — Миша попытался сымитировать удивление, но вышло плохо. Он уже чувствовал: начальство знало всё. Возможно, ещё до начала операции.

Сергей Валентинович молча встал, неторопливо обошёл стол спереди и сел на его край. Снова посмотрел на Мишу — долгим, изучающим взглядом.

— Михаил, я прекрасно осведомлён, что написала в рапортах ваша группа и что вы все думаете о произошедшем. Всё это — лишь необходимая бюрократия. Задача операции была совершенно иной, и ты, я думаю, понимаешь, какой именно. Ты ведь принимаешь выданные тебе таблетки? Как положено, по расписанию? Карл Валентинович очень надеется на положительный результат эксперимента.

— Не беспокойтесь. Принимаю, как положено. Результаты уже видны. Если, конечно, вы хотели именно этого, — с каменным лицом ответил Миша.

— Мне интересно услышать то, что не отражено в рапорте, — Сергей Валентинович позволил себе лёгкую улыбку, — и то, что ты скрыл от своих коллег.

Миша вздохнул и начал рассказывать. Всё: видение после взрыва, потерю сознания, ту, другую Анну с чёрными провалами глаз. Сергей Валентинович слушал молча, не перебивая. Когда Миша закончил, улыбка заместителя стала чуть шире.

— Это потрясающе. Таких результатов я не ожидал. Колоссальный прорыв. — Он выдержал короткую паузу. — Как мне доложили из медицинской службы, тебе даже не понадобилось принимать нейтрализатор. В отличие от остальных.

— Так вот что было в тех фляжках, — усмехнулся Миша. — Я уж подумал, что это личная неприязнь со стороны Конторы. Раз меня обделили.

Сергей Валентинович не отреагировал. Он молча снял очки и достал из нагрудного кармана пиджака коричневый платок. Не торопясь, начал протирать линзы. Глаза его при этом

были закрыты.

Миша никогда не видел, что скрывается за тёмными стёклами, и невольно задержал взгляд чуть дольше необходимого. Кожа вокруг глаз Сергея Валентиновича была чёрной. Такой же чёрной, как веки. Тонкие тёмные линии расходились от глазниц в стороны, к вискам. Это напомнило Мише глаза Анны из видения.

Внезапно Сергей Валентинович открыл глаза и посмотрел прямо на него.

Белые глазные яблоки. И крошечные чёрные точки зрачков. Неестественный, пронизывающий взгляд — он, казалось, проникал в самую душу и читал все потаённые мысли.

Мир на секунду поплыл. Сердце заныло тупой болью. Миша моргнул раз, другой. Сергей Валентинович уже надел очки и смотрел на него — внимательно, оценивающе.

— Я так понимаю, скоро и я сменю стиль, — криво усмехнулся Миша, кивком указав на его очки.

— В этой борьбе мы все чем-то жертвуем. Ты знал, что так будет. — Голос заместителя звучал ровно. — Лучше скажи: АС-2 работал как положено? Ничего необычного не за-

метил?

Он указал на левую сторону груди Миши.

— Если боль считается защитной реакцией — то да, устройство работает нормально, — процедил Миша сквозь зубы.

Сергей Валентинович удовлетворённо кивнул.

— Это совершенно нормально. Если бы АС-2 не работал, ты бы сейчас передо мной не стоял. Возможно, стоял бы кто-то другой. В твоём теле. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Но это всё пустые разговоры. Всё прошло так, как мы планировали. Даже лучше. Теперь обсудим детали дальнейших операций.

Он сел обратно на стул.

Неожиданно зазвонил красный телефон.

На лице Сергея Валентиновича на долю секунды мелькнуло удивление. Он спокойно поднял трубку.

— Да... Так точно... Он здесь... Вы уверены?.. Нет... Ни в коем случае, я не сомневаюсь... Да... Будет исполнено.

Он молча протянул трубку Мише.

— Это тебя.

Миша подошёл ближе, взял трубку из его руки и приложил к уху.

— Да, я слушаю...

Мир на секунду погрузился во тьму — и вот Миша уже стоял в полной, абсолютной черноте. Впереди смутно угадывались очертания огромного стола. За ним, судя по силуэту, сидел мужчина. Что-то большее рассмотреть было невозможно — так же, как и сдвинуться с места.

— Михаил, вы отлично выполнили возложенную на вас задачу. Вы не разочаровали меня. — Бархатный голос звучал прямо в голове Миши, одновременно успокаивая и вводя в оцепенение. Вне всяких сомнений, перед ним был Директор. — Думаю, мы сможем приступить к следующей части нашего плана. Через два дня вы вместе с УГБР отправитесь в Гигахрущевку.

— На этом всё. Вы свободны, Михаил.

— Стойте! Разрешите вопрос! — резко и громко, удивив самого себя, выкрикнул Миша.

Пара секунд тишины.

— Да, Михаил. Задавайте. — Голос звучал слегка удивлённо.

Подбирая слова, Миша выпалил:

— Что будет с моей группой? Они явно не были подготовлены к этому. Последствия для них ведь будут... разрушительными. Ладно оперативный отдел — нас создавали для работы в поле. Но зачем вы подставили под удар Анну? Она учёная, ей вообще не положено быть в эпицентре такой аномалии. Да и Василий Петрович с Сашей — они тоже не подходили для этого.

Дальнейшие слова будто застряли в горле. Он больше ничего не смог сказать.

— Михаил, вы как никто другой должны понимать цель нашей миссии. Её важность. Её секретность. Никто из рядовых сотрудников не должен знать об этом. Поэтому мы были вынуждены провести всё под видом стандартной проверки. — Голос Директора звучал сухо и властно. — А что до ваших

коллег... Это, без преувеличения, война. А на войне бывают жертвы. Мы сделаем для них всё возможное, но гарантий безопасности для их разума и здоровья никто не даст. Вы совершаете ту же ошибку, что и ныне почивший начальник оперативного отдела. Вы слишком заботитесь о людях. Нужно думать о миссии. Не повторяйте его ошибок, Михаил. Мы все рассчитываем на вас и возлагаем огромные надежды.

— Письменные указания Сергей Валентинович получит. А вы свободны.

Мир снова погрузился во тьму — и через пару секунд Миша опять стоял у стола заместителя. Из телефонной трубки, прижатой к уху, доносились короткие гудки.

Он молча передал трубку Сергею Валентиновичу. Тот, не задавая вопросов, несколько секунд внимательно смотрел на Мишу, затем положил трубку на аппарат.

За его спиной загудела аэротруба. Спустя пять секунд в приёмном лотке появился конверт с красной печатью. Сергей Валентинович встал, достал конверт, распечатал. Пробежал глазами по строчкам — читал минуты три, не меньше. Затем молча вернул письмо в конверт и протянул Мише.

— Передадите этот конверт Василию Петровичу. Он всё-

таки старший оперативник. Нужно проявить уважение, — с лёгкой усмешкой сказал он. — Вы свободны, Михаил. Через два дня жду вас в своём кабинете в час пополудни. Думаю, не стоит говорить, что ваши коллеги ничего не должны знать о нашем разговоре.

Он сел за стол и открыл папку с документами, не глядя больше на Мишу.

Миша вышел в коридор. Боль в сердце успокоилась. Он несколько минут стоял, прислонившись к стене, тяжело дыша. Когда стало легче, он направился в кабинет оперативно-го отдела.

Зайдя внутрь, он застал Анну, Василия Петровича и Сашу сидящими за столом. Они что-то бурно и серьёзно обсуждали, но, увидев Мишу, разом замолчали.

На лице Анны возникла облегчённая улыбка. Саша смотрел с одобрением и привычным задором. Василий Петрович — внимательно, серьёзно, словно пытался прочитать его мысли.

— Мы тебя уже отпеть успели, а ты живой! — шутя, со смехом сказал Саша. — Прошло почти шесть часов.

Миша взглянул на настенные часы. 18:00. Время и пространство исказились внутри здания Центра — это знали все. Для Миши прошло от силы минут пятнадцать. Для остальных — часы.

— Тише, дурак! Разве можно такие вещи говорить! — с возмущением воскликнула Анна.

— Да это же шутка, Ань! — Саша примиряюще поднял обе руки, продолжая смеяться.

— Василий Петрович, вам просили передать. — Миша протянул конверт.

Василий Петрович медленно достал из конверта документ. Развернул. Прочитал. Затем достал из кармана зажигалку и поджёг бумагу. Та вспыхнула неестественно быстро — и так же быстро растворилась в воздухе, оставив лишь запах жжёной бумаги.

— Я так понимаю, мы все свободны до поступления особых распоряжений, — серьёзно произнёс он.

— Что сказало начальство-то? Мы прощены или уже казнены? — с иронией спросил Саша.

Василий Петрович метнул на него сердитый взгляд.

— Александр, всё, что вам нужно знать, — это то, что вы все свободны до дальнейших указаний сверху.

Саша на секунду опешил от такого официального обращения. Лицо его стало серьёзным.

— Тогда разрешите идти, Василий Петрович, — сухо произнёс он и, не дожидаясь ответа, яростно вышел из кабинета.

Повисла неловкая пауза.

— Я... я тоже пойду. Как раз мой трамвай скоро... — смущённо и неловко заговорила Анна, поднимаясь.

Она уже была у двери, когда Миша окликнул её:

— Ань, дождись меня на стоянке.

Анна на секунду замерла. Обернулась, взглянула на Мишу, прочитала что-то в его глазах — и, скромно улыбнувшись, тихо ответила:

— Хорошо.

Дверь закрылась. Василий Петрович и Миша остались в кабинете одни. Пару минут оба молчали. В этом молчании было больше смысла, чем в любых словах.

Василий Петрович встал и медленно пошёл к двери. Уже взявшись за ручку, он обернулся и посмотрел на Мишу — по-отечески, даже ласково, но с глубокой тревогой.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Миша.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Миша посидел один в полной тишине пустого кабинета. Затем встал и подошёл к сейфу со служебным снаряжением. Открыл. Достал одну из трёх оставшихся гранат НПД-3, стоявших в специальных секциях. Положил её во внутренний карман пиджака. Закрыл сейф и вышел прочь.

На улице стояла вечерняя осенняя прохлада. Солнце уже село, и вдоль дорог зажглись фонари. Пятиэтажные здания жилых домов города были полны жизни и огней окон. И только Гигахрущевка на горизонте — всё та же громада, обнесённая трёхметровым чёрным забором, — оставалась безжизненной и тёмной.

Анна стояла возле выхода из здания, ёжась от холода. Немудрено: медицинский халат на голое тело и больничные тапочки не грели в осеннюю зябкую погоду. Из-под тапочек виднелись аккуратно забинтованные ступни — бинты уже не первой свежести, слегка ослабли за день.

Миша бесшумно подошёл сзади, снял свой пиджак и как можно нежнее накиннул ей на хрупкие плечи.

От неожиданности Анна охнула и резко обернулась. Их глаза встретились. В глазах Миши была неловкая, давно забытая им самим забота. В её глазах — нежность, смущение и доверие.

— Спасибо, Миша, — прошептала она, кутаясь в пиджак плотнее. Тот пах лёгким сигаретным дымом и одеколоном «Тет-а-Тет».

— И куда ты собралась ехать в таком виде? На улице не май месяц, — с улыбкой сказал он. — Где ты живёшь?

— На Пролетарской. Это на окраине, — смешно шмыгнула носом Анна, а потом чихнула и громко, открыто засмеялась. — После всего произошедшего лёгкая простуда — не самое страшное, правда?

Миша на секунду стал серьёзным, но тут же сменил выражение лица на тёплую улыбку — не хотел её пугать.

— Ты права. Это всего лишь временные трудности. Я живу на Ленина, это по пути. Я подброшу тебя. Слишком холодно для твоего дерзкого наряда.

Анна засмушалась и заметно покраснела.

— Пойдём, моя машина за углом.

Они обогнули здание газовой службы и вышли на стоянку для личного транспорта сотрудников. Белая «Нива» стояла в гордом одиночестве. Миша повернул ключ в замке, открыл пассажирскую дверь и жестом пригласил Анну садиться. Она, всё ещё смущаясь, забралась в салон. Миша аккуратно закрыл за ней дверь, обошёл машину и сел за руль.

Повернул ключ — мотор завёлся ровно, уверенно.

Анна скинула тапочки и села по-турецки, поджав босые ноги. Из-под ослабших за день бинтов выглядывали тонкие пальцы. Она принялась аккуратно, слой за слоем, разматывать марлю. Сначала с левой ноги, затем с правой. Миша краем глаза заметил это, но ничего не сказал.

Когда последний виток бинта упал, Анна замерла на секунду, разглядывая свои ступни. Под марлей оказалась нежная, бледная кожа — юная, гладкая, если не считать лёгких, едва заметных розовых полосок заживших царапин на подъёме стопы. Она медленно, почти невесомо провела кончиками пальцев по своду ступни, ведя вдоль шрама. Кожа покрылась мурашками от прикосновения. В этом жесте было что-то глубоко личное: не просто проверка, а тихое, осторожное знакомство с собственным телом заново. Принятие себя после всего пережитого.

Миша наклонился к бардачку и случайно коснулся её колена — не намеренно, просто потянулся за кассетой. Его пальцы на секунду замерли на тёплой, гладкой коже. Анна не отдернула ногу. Она лишь улыбнулась, отвернувшись к окну, чтобы он не заметил, как сильно она покраснела.

Из бардачка Миша достал аудиокассету с надписью «Кино», нарисованной от руки. Закрыв бардачок, он вставил кассету в новый автомобильный стереомагнитофон «Крунк-303-1-стерео», установленный в панель. Автомобиль тихо выехал с территории, и Анна и Миша всю дорогу наслаждались видом вечернего города под песню «Перемен» группы «Кино».

Скомканные бинты так и лежали у неё на коленях, а босые ступни — уже свободные, без единой нитки марли — покоились на холодном дерматином сиденья. Анна смотрела в окно, но мысли её были далеко. Она всё ещё чувствовала на колене случайное, обжѣгшее прикосновение его пальцев.

Машина остановилась во дворе пятиэтажной хрущёвки, из которых в основном и состоял город Бархан-10. Миша заглушил мотор, вышел на улицу и открыл дверь Анне. Она наклонилась, подняла с пола тапочки, надела их на босые, уже освобождённые от бинтов ноги и вышла из салона.

— Вот мы и на месте, — тихо сказала она, смущѣнно улыбаясь.

Повисла неловкая пауза. Каждый хотел что-то сказать, но не мог найти нужных слов.

— Я не хочу быть сегодня одна. Пожалуйста... — наконец произнесла Анна.

Их глаза встретились. И больше не нужно было никаких слов.

Миша закрыл машину. Они вместе зашли в подъезд и тихо поднялись на пятый этаж. Анна достала из кармана хала-

та ключи и отперла дверь.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — с нервным смешком сказала она и прошла внутрь. Миша зашёл следом и закрыл дверь изнутри.

Анна щёлкнула выключателем. Свет залил уютный коридор скромной советской однушки.

— Разувайся и проходи в комнату, — сказала она, снимая тапочки и вешая его пиджак на вешалку.

Миша снял туфли и аккуратно поставил их рядом с её тапочками. Остался в чёрных носках.

— Я скоро буду, — бросила Анна и скрылась в ванной.

Миша прошёл в комнату. Всё было аккуратно, чисто, продумано до мелочей. В углу — большой книжный шкаф. Много классики — и зарубежной, и отечественной. Но большую часть полок занимали научные книги, в названиях которых Миша почти ничего не понимал. У стены — уютное кресло, рядом торшер и журнальный столик. На столике лежала открытая книга: Ахматова, «Реквием». Двухспальная кровать была аккуратно заправлена и накрыта зелёным пледом.

Миша подошёл к окну и задумчиво посмотрел на вечерний город. Редкие машины тихо плыли по улицам. На горизонте, как всегда, чернела Гигахрущевка — тёмный, мрачный монолит, нависающий невидимой угрозой. Два дня. Осталось два дня.

Чьи-то руки нежно коснулись его плеч сзади. Тёплые, почти невесомые пальцы легли на ткань рубашки — и Миша замер, прикрыв глаза. Он узнал это прикосновение раньше, чем обернулся. От её ладоней пахло простым мылом и чем-то ещё — едва уловимым, цветочным, из ванной. Он медленно повернулся.

Анна стояла перед ним. Босая. В коротком махровом халате зелёного цвета, который едва доходил до середины бедра. Ткань была старой, выцветшей от многих стирок, мягкой и пушистой на вид. Мокрые волосы, ещё не расчёсанные, спадали на плечи и спину неровными прядями, и с кончиков их срывались редкие капли, оставляя тёмные дорожки на воротнике халата. Одна капля скатилась по шее и исчезла в ложбинке между ключицами. Глаза — голубые, огромные, влажно блестящие — смотрели на него снизу вверх.

Она не произнесла ни слова. Просто подошла ближе, сокращая последние сантиметры, и встала на цыпочки. Одной рукой оперлась о его плечо, другой коснулась его щеки —

осторожно, почти невесомо, словно проверяя, можно ли. Её босые ступни беззвучно ступали по старому паркету.

Он не шевелился. Боялся спугнуть. Видел, как вздымается и опускается её грудь под махровой тканью — дыхание частое, неровное, сбитое. Видел, как подрагивают ресницы, когда она наконец решилась и прижалась губами к его губам.

Сначала — робко. Едва касаясь. Тёплое, сухое прикосновение, почти детское. Она словно пробовала его на вкус. Училась.

Миша ответил — и весь мир сузился до этой точки. До этой комнаты. До этой женщины в его руках.

Его ладони легли на её талию, и Анна вздрогнула, но не отстранилась. Тонкая ткань халата ничего не скрывала: под ней не было ни бретелек, ни кружев, ни белья. Только она сама — тёплая, живая, настоящая. Он чувствовал ладонями каждый изгиб, каждую косточку, каждое движение её тела.

Она целовала уже смелее. Пальцы её скользнули вверх по его плечам, по шее, зарылись в волосы на затылке. Ноготки чуть царапнули кожу — и от этого простого движения по его спине пробежала дрожь.

Оторвавшись от её губ, он на секунду замер, глядя ей в лицо. Щёки покраснелись. Губы припухли и блестели. Глаза — потемневшие, с расширенными зрачками — смотрели на него с доверием и страстью. Никакого страха.

— Миша... — выдохнула она, не узнавая собственный голос.

Он подхватил её, придерживая ладонями за бёдра, и она обвила его ногами, скрестив лодыжки за его спиной. Халат задрался, открывая бёдра — бледные, с голубоватой ниточкой вены под тонкой кожей. Он сделал несколько шагов к кровати и опустил её на зелёный плед. Она упала на спину, волосы разметались по подушке. Халат распахнулся, открывая взгляду узкую талию, плоский живот, родинку чуть ниже пупка. Анна не пыталась прикрыться. Она смотрела на него и ждала.

Миша наклонился и поцеловал её в лоб. В переносицу. В кончик носа. В приоткрытые, ждущие губы. Его пальцы медленно провели по её ключице, спустились ниже — и она выгнулась навстречу, зажмурившись, прикусив губу. Ткань халата сползла с плеча окончательно, открывая небольшую, упругую грудь с розовой вершинкой, затвердевшей от прохладного воздуха и его прикосновений. Он коснулся её губами — и Анна издала тихий, протяжный стон, от которого

у него перехватило дыхание.

Она потянула его за плечи, притягивая ближе, и её пальцы принялись за пуговицы его рубашки — сначала неуверенно, потом быстрее. Одна пуговица, вторая, третья. Рубашка полетела на пол. За ней — галстук, который Анна стянула с него одним резким движением, едва не порвав ткань. Её ладони легли на его обнажённую грудь, и тут она замерла.

Старый шрам. Грубый, рваный, стянутый — прямо над сердцем. Она провела по нему пальцами, и в её глазах мелькнул вопрос. Тот самый, который он видел уже однажды. Но Миша не дал ему прозвучать. Он накрыл её ладонь своей, прижал к груди — пусть чувствует, как бьётся сердце, — и снова поцеловал.

Дальше была только страсть.

Её халат упал на пол. Его брюки, её трусики — всё это летело в разные стороны, не имея больше никакого значения. Остались только кожа к коже, горячее дыхание, влажные от пота тела. Анна обхватила его ногами, прижимаясь всем телом, и он почувствовал, какая она — узкая, тесная, горячая изнутри. Она вскрикнула, закусив губу, и её пальцы впились в его плечи, оставляя на коже красные полумесяцы от ногтей.

Всё остальное растворилось. Не было больше ни Конторы, ни Гигахрущевки, ни вчерашнего кошмара. Только ритм. Только дыхание. Только два человека, которые исступлённо, жадно, почти отчаянно пытались доказать друг другу и себе самим: они живы. Они настоящие. Они есть друг у друга.

Анна тихо спала, уткнувшись лицом в его грудь. Её дыхание было ровным и глубоким, ресницы чуть подрагивали во сне. Одна рука лежала на его животе, пальцы были расслаблены, ногти ещё хранили следы алого лака — того самого, что оставил полумесяцы на его плечах. Миша лежал неподвижно, боясь разбудить, и медленно гладил её по голове. Перебирал спутанные, всё ещё чуть влажные пряди, пропускал их сквозь пальцы. Чувствовал, как поднимается и опускается её грудь, как бьётся её сердце — часто, по-птичьи.

Впервые за долгое, бесконечно долгое время он испытывал покой. Не привычное равнодушие, не профессиональную собранность, а настоящий, глубокий покой. Как будто все тревоги, все страхи, вся боль — они никуда не делись, но отодвинулись, стали тише. Даже Гигахрущевка за окном перестала давить — просто тёмный силуэт на горизонте, и только.

Он закрыл глаза и уснул под её тихое сопение.

Проснулся он резко. Кошмар был настолько реальным, что после пробуждения до сих пор ощущалась боль в груди.

Анны в кровати не было.

Она стояла на подоконнике, босиком, в чуть распахнутом халате. Окно было распахнуто настежь, за ним чернел ночной город.

— Ань, ты что делаешь? — нежно, но с тревогой спросил Миша.

Она развернулась к нему полностью, не сходя с подоконника. Её глаза были такими же, как в видении: чёрные провалы. Она улыбалась — неестественной, жуткой улыбкой.

— Ты всё продолжаешь идти по этому пути, боец... Очень жаль. Вспоминай! — прокричала она неестественным, чужим, мужским голосом.

Миша соскочил с кровати и медленно начал приближаться.

— Отпусти её. Она тут ни при чём. Забери меня, если хочешь, но не трогай её, — проговорил он, стараясь, чтобы

голос звучал твёрдо, хотя в глазах уже плескалась паника.

Анна сделала шаг назад. Обеими руками она держалась за раму окна. Левая нога уже стояла на карнизе снаружи, правая — на самом краю, готовая сорваться.

— Она будет ждать тебя там... И я тоже. — Анна кивнула в сторону горизонта. Туда, где чернела Гигахрущевка.

Она отпустила руки и молча шагнула в пустоту.

В последнее мгновение, перед самым падением, её глаза стали прежними. В них на долю секунды отразились страх, непонимание — и отчаянная мольба о помощи.

— Миша... — только и успела она произнести.

Стук сердца. Ещё один.

Миша, как в замедленной съёмке, рванулся к окну и глянул вниз. Анна лежала на асфальте возле подъезда. На боку. Голова запрокинута вверх. Тёмное пятно крови медленно расползлось под ней.

Мише казалось, что он видит её взгляд. Осуждающий. Полный непонимания.

Он сполз спиной по стене, опустился на пол возле подоконника. Сердце взорвалось болью. Не в силах больше сдерживаться, Миша закричал — от боли, от горя, от бессилия. Впервые в жизни он был жив по-настоящему.

И тут же это потерял.

Глава 2.

Хоронили Анну через день. Всё это время Миша провёл в пустой квартире — своей, не её. Возвращаться туда, где ещё вчера она стояла у окна, где её босые ступни оставляли следы на пыльном паркете, где на полу так и лежал скомканный зелёный пояс, — он не мог. Пока не мог. Контора всё устроила сама: место на городском кладбище Бархана-10, закрытый гроб, скромная церемония без лишних глаз. Сотрудникам, не посвящённым в детали, сказали: несчастный случай. Те, кто знал больше, вопросов не задавали. В Конторе вообще не принято было задавать вопросы.

Кладбище встретило их серым осенним небом и промозглым ветром, который трепал полы чёрных пальто и швырял в лица колючую морось. Деревья стояли голые, мокрые, и редкие вороны сидели на ветках, не каркая — просто смотрели.

У могилы собрались немногие. Миша стоял у самого края ямы, глядя на закрытый гроб. Дерево было светлое, почти жёлтое — дешёвое, казённое. Никаких цветов, кроме трёх гвоздик, которые нервно сжимал в руке Саша. Он стоял чуть поодаль, и лицо его было каменным — только желваки ходили под кожей да костяшки пальцев побелели. Рядом с ним — Василий Петрович, в длинном чёрном пальто поверх такого же чёрного костюма. Седые волосы прилизаны, борода аккуратно подстрижена. Он смотрел на гроб с выражением, которого Миша не мог расшифровать: не скорбь, не злость — что-то среднее между усталостью и пониманием. Так смотрят люди, которые хоронят не в первый раз.

Чуть в стороне, на расстоянии нескольких шагов, стояла Ирина Захаровна. Миша заметил её не сразу — она появилась бесшумно, как тень, и так же неподвижно замерла у старого клёна.

Она была женщиной лет пятидесяти, с тяжёлой, основательной фигурой — не полной, но крупной, с широкими плечами и крепкими руками, которые привыкли держать скальпель и не привыкли дрожать. Лицо строгое, с резкими чертами: высокие скулы, тонкие губы, плотно сжатые, глубокие носогубные складки. Волосы — тёмные, с проседью, — стянуты в тугий пучок на затылке, ни единой выбившейся пряди. Глаза — серые, холодные, внимательные, — смотрели на

мир так, как смотрит учёный на лабораторный образец: изучающе, без эмоций, но с пониманием.

Но сегодня в этих глазах что-то сломалось.

Она стояла в чёрном пальто поверх чёрного платья, в чёрном платке, повязанном туго, по-старушечьи, и в чёрных туфлях на низком каблуке, утонувших в сырой кладбищенской земле. Руки — сцепленные в замок, прижатые к животу — были неподвижны, но пальцы, унизанные старыми серебряными кольцами, чуть подрагивали. Она смотрела на гроб не отрываясь. В её позе, в том, как она держала спину — слишком прямо, слишком напряжённо, — было что-то глубоко личное. Так не стоят начальники на похоронах сотрудников. Так стоят те, кто хоронит часть себя.

Миша отвёл взгляд. Ему не хотелось сейчас думать об этом. Ему вообще не хотелось думать.

Священник — старенький, с трясущимися руками, явно не из Конторы, а из городской церкви — читал молитву. Ветер уносил слова, и до Миши долетали только обрывки: «... упокой душу рабы твоей Анны... прости ей прегрешения вольные и невольные...»

Он не слушал. Он смотрел на гроб и думал о том, что внут-

ри — пустота. Не в гробу. В нём самом. Там, где ещё день назад было тепло, теперь сквозил холодный сквозняк. Анна забрала что-то с собой — или, наоборот, что-то отдала ему, но это что-то теперь жгло в груди, как незаживающая рана. Он прижал ладонь к сердцу — туда, где под рубашкой уродливым рубцом темнел старый шрам. АС-2 пульсировал ровно, но боль была не от прибора. Боль была выше. Где-то там, где у нормальных людей — душа.

Гроб начали опускать. Саша дёрнулся вперёд, чтобы бросить свои гвоздики, и замер, не донеся руку до края. Василий Петрович мягко, но твёрдо положил ладонь ему на плечо, и Саша, сглотнув, кинул цветы в яму. Они упали на крышку гроба с глухим, деревянным стуком.

Миша ничего не бросил. У него не было цветов. Он просто стоял и смотрел, как яму засыпают землёй — быстро, подловому, двое могильщиков в заляпанных грязью робах работали лопатами споро, будто хоронили не человека, а отработанный материал.

И вот тогда он её увидел.

Она стояла между деревьями — в стороне от могилы, там, где клёны смыкались голыми ветвями в подобие арки. На ней был тот самый зелёный махровый халат, который едва дохо-

дил до середины бедра. Босая. Мокрые волосы спадали на плечи неровными прядями, и с кончиков их срывались редкие капли. Она смотрела на него. Прямо на него. Не на гроб, не на священника, не на Ирину Захаровну. Только на него. В её глазах — голубых, огромных, влажно блестящих — не было ни укоризны, ни печали. Только молчаливое, спокойное присутствие.

Миша моргнул.

Её не было. Только голые ветки, сырой туман и ворона, которая тяжело сорвалась с ветки и полетела прочь.

Он не стал никому говорить. Он знал: это шок. Свежая травма. Недосып. Так бывает. Он читал об этом в отчётах — галлюцинации у сотрудников, переживших сильное заражение. Это ничего не значит. Это пройдёт.

Но где-то глубоко внутри, там, где он никогда не стал бы копать, ему хотелось, чтобы это не проходило. Чтобы она осталась. Хотя бы так. Хотя бы тенью.

Когда яма была засыпана, а могильщики ушли, к Мише подошёл Василий Петрович. Он ничего не сказал — просто встал рядом и сунул ему в руку серебряную фляжку с логотипом К.О.Н.Т.У.Р. Миша сделал глоток. Спирт обжёт гор-

ло. Стало чуть легче — или просто теплее.

— Ты как? — спросил Василий Петрович негромко.

— Нормально.

— Врёшь.

— Конечно.

Василий Петрович хмыкнул и убрал фляжку в карман.

— Ты это... — он запнулся, подбирая слова. — Если что — я в отделе. Захочешь поговорить — заходи.

— Не захочу.

— Знаю, — Василий Петрович впервые за всё время улыбнулся — грустно, одними уголками губ. — Но ты заходи.

Он похлопал Мишу по плечу и пошёл к выходу с кладбища. Ирина Захаровна ушла ещё раньше — растворилась так же бесшумно, как появилась. Только следы от её туфель остались на сырой земле — глубокие, чёткие, будто вдавленные с силой.

Саша ждал у кладбищенских ворот. Глаза красные — то ли от ветра, то ли от слёз, но спрашивать Миша не стал. Они молча дошли до «Нивы».

— Домой? — спросил Саша.

Миша помедлил. Он думал о квартире Анны. О том, что там, на кухонном столе, могло что-то остаться. Что-то, что она не успела ему сказать. Он не знал, что именно. Но знал, что должен туда поехать.

— Высади меня у её дома, — сказал он. — А сам бери машину. Мне нужно... кое-что забрать.

Саша посмотрел на него долгим взглядом, но ничего не сказал. Только кивнул.

«Нива» тронулась. Кладбище осталось позади — серое, мокрое, безмолвное.

И где-то между голых деревьев, там, где только что стояла она, медленно оседал туман.

Саша высадил его у дома Анны и уехал, не задавая вопросов. Миша постоял у подъезда, глядя на тёмные окна пятого этажа. Окно её комнаты было закрыто — он сам закрыл его той ночью, после всего. Холодный осенний ветер трепал полы пальто, но Миша не чувствовал холода. Он чувствовал только пустоту.

Он вошёл в подъезд. Старая дверь с облупившейся краской хлопнула за спиной, отрезая уличный шум. Тишина накрыла его, как вода. Тусклая лампочка без плафона горела вполне накала, бросая на стены рваные тени. Ступени были всё те же — стёртые, бетонные, с выбоинами. Он помнил, как она поднималась здесь босиком, держа тапочки в руке. Её босые ступни ступали бесшумно, и только лёгкий шорох халата выдавал её присутствие.

Теперь он поднимался один. Каждый шаг отдавался эхом в пустом подъезде. На третьем этаже он остановился — здесь она обернулась к нему, улыбнулась через плечо, и он увидел, как капля воды с мокрых волос скатилась по её виску. Он запомнил эту каплю. Запомнил, как она блеснула в тусклом свете. Запомнил, как пахло от неё простым мылом и чем-то цветочным.

На пятом этаже он достал ключи. Те самые, что забрал той ночью — машинально, не думая, сунул в карман, когда

всё закончилось. Он вставил ключ в замок, повернул. Дверь открылась с тихим скрипом.

В прихожей было темно. Он щёлкнул выключателем — свет залил узкий коридор, и Миша замер на пороге. Всё было как тогда. Её тапочки стояли у стены — те самые белые больничные тапочки, в которых она ходила в Центре. Его пиджак всё ещё висел на вешалке — она так и не вернула его. Он вспомнил, как она снимала его с плеч, как повесила аккуратно, расправив воротник. Вспомнил, как она сказала: «Разувайся и проходи в комнату». И её голос — чуть дрожащий, смущённый, но тёплый.

Он снял туфли. Прошёл в комнату. Зажёг торшер — тот самый, с жёлтым абажуром. Комната была точно такой же, какой он оставил её той ночью. Книжный шкаф. Кресло. Журнальный столик. На столике — открытая книга. Ахматова. «Реквием». Закладки не было — Анна, видимо, помнила страницу наизусть.

Миша сел в кресло. Оно было старым, продавленным — она, должно быть, проводила в нём долгие вечера. Он взял книгу в руки. Бумага была пожелтевшей, уголки страниц — затёртыми. Он открыл то место, где она остановилась, и прочитал первые строки, попавшиеся на глаза:

«Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне...»

Он закрыл книгу. Откинулся на спинку кресла. Закрыл глаза.

И вдруг — не сон, не видение, а короткая, яркая, как удар молнии, вспышка памяти. Та ночь. Он стоит у окна, смотрит на Гигахрущевку. И её руки ложатся на его плечи сзади — тёплые, почти невесомые. Он оборачивается. Она — в зелёном халате, босая, с мокрыми волосами. Капля воды на ключице. Запах мыла. Её глаза — голубые, огромные, влажно блестящие. Она не говорит ни слова — просто встаёт на цыпочки и касается губами его губ. Робко. Почти невесомо. И весь мир сужается до этой точки. До этой комнаты. До этой женщины в его руках.

Миша открыл глаза. В комнате было пусто. Только торшер горел, отбрасывая жёлтый круг на старый паркет. И книга лежала на коленях — та самая, которую она читала. «Реквием». Поэма о потере. О горе. О любви, которую не удержать.

Он перевёл взгляд на окно. И память ударила снова — на этот раз не тёплой волной, а ледяным потоком.

Та ночь. Он стоит у этого самого окна. Распахнутого на-

стежь. Холодный осенний ветер врывается в комнату, треплет занавески. На полу — скомканный зелёный пояс от её халата. А внизу — пустота. Нет, не пустота. Там, на асфальте, в жёлтом круге фонарного света — она.

Он не помнил, как оторвался от подоконника. Не помнил, как сполз по стене на пол. Помнил только боль в груди — АС-2 взбесился, пульсировал так, что темнело в глазах. Помнил, как сидел на полу, привалившись спиной к стене, и не мог дышать. Помнил, как закричал — не от боли, от чего-то другого, чему нет названия.

Потом — тишина. И телефон.

Старый советский аппарат висел на стене в коридоре, у входа в кухню. Миша поднялся не с первой попытки — ноги не слушались. Дошёл до телефона. Снял трубку. Набрал номер — тот самый, который полагалось набирать только в случае критической угрозы. Гудок. Ещё гудок. И сухой голос на том конце: «Слушаю».

— Объект Анна Николаевна. Код ноль. Адрес: Пролетарская, дом четырнадцать, квартира пятьдесят два. Нужна группа зачистки.

— Принято. Ожидайте.

Короткие гудки.

Миша повесил трубку и сполз по стене на пол. Ждать пришлось недолго — минут десять, не больше. Потом в дверь позвонили. Он открыл. На пороге стояли люди в штатском. Трое. Без лиц — не в том смысле, что в противогазах, а в том, что Миша не запомнил их лиц. Серые костюмы. Холодные глаза. Удостоверения КГБ — настоящие или поддельные, кто бы стал разбираться.

Они вошли молча. Прошли в комнату. Один склонился над подоконником, осмотрел раму. Второй поднял с пола зелёный пояс и положил на стол. Третий говорил по рации — тихо, неразборчиво. Потом они ушли. И тело Анны исчезло вместе с ними.

А через полчаса приехала милиция. Соседи всё-таки звывали наряд — крик Миши слышал весь подъезд. Двое сержантов с красными от недосыпа глазами поднялись на пятый этаж. Миша открыл им дверь. За его спиной, в комнате, уже никого не было.

— Поступил сигнал о нарушении порядка. Что здесь произошло?

Миша молча показал им удостоверение — то самое, конторское, прикрытое легендой о газовой службе. Но сержанты, видимо, знали, что означают такие корочки. Или просто не хотели связываться. Они переглянулись и, пробормотав что-то про ложный вызов, ушли.

Миша закрыл дверь. Вернулся в комнату. Сел в кресло — то самое, в котором сидит сейчас. И просидел так до рассвета.

Он провёл ладонью по лицу. Воспоминания были яркими, как будто всё случилось вчера. Да это и было вчера. Или позавчера. Время в последние дни текло странно — то растягивалось, то сжималось, и Миша уже не мог отличить один день от другого.

Он встал. Пора было уходить. Он хотел взять книгу с собой, но передумал. Пусть остаётся. Он не за тем сюда пришёл. Он искал что-то другое — и сам не знал, что именно, пока не увидел её на кухонном столе.

Папка. Обычная картонная папка, какие используют в каждом отделе Конторы. На обложке — надпись от руки, аккуратным почерком Анны: «Для Ирины Захаровны». Миша взял папку в руки. Она была тонкой — несколько листов, не больше. Он не стал открывать. Это было не ему.

Он вышел в коридор. В последний раз оглянулся на комнату. На кресло, в котором она сидела вечерами. На зелёный плед на кровати. На её тапочки у двери.

И закрыл за собой дверь.

Миша вышел из подъезда и остановился на крыльце, закуривая. Пачка «Мальборо» была уже наполовину пуста — он не считал, сколько выкурил за последние сутки. Осенний ветер трепал волосы, швырял в лицо мелкую морось. Небо над Барханом-10 было серым, низким, тяжёлым — таким же, как в день её похорон.

Он затаился и пошёл пешком. «Ниву» он отдал Саше — пусть покатается, ему полезнее. А самому Мише хотелось пройтись. Хотелось движения — простого, механического, которое не требует мыслей. Но мысли всё равно лезли в голову, как холодный ветер за воротник.

Город жил своей обычной жизнью. По проспекту Ленина ползли редкие «Жигули» и автобусы с запотевшими окнами. У газетного киоска толпились прохожие — обсуждали что-то, смеялись. Две женщины с тяжёлыми сумками шли мимо,

не глядя на Мишу. Он был для них просто человеком в чёрном пальто — одним из многих. Они не знали, что он только что похоронил женщину, которую любил. Они не знали, что этой же ночью он уйдёт туда, откуда не возвращаются. Им не было до этого дела. И это было правильно. Это было справедливо. Мир не должен останавливаться из-за чьей-то смерти.

Он свернул на улицу Строителей. Здесь было тише — пятиэтажки с облупившейся штукатуркой, голые деревья, пустая детская площадка. Качели скрипели на ветру. И за всем этим, на горизонте, возвышалась она.

Гигахрущевка.

Огромная, чёрная, бесформенная — как гнилой зуб, вросший в небо. Сто этажей мёртвого бетона, обнесённых трёхметровым забором. Она стояла на границе города и смотрела на Бархан-10 пустыми глазницами окон. Ни одного огонька. Ни одного признака жизни. Только ветер гулял в пустых проёмах, и иногда казалось, что здание издаёт низкий, утробный гул — как будто дышит. Как будто ждёт.

Миша остановился. Он смотрел на Гигахрущевку и чувствовал, как АС-2 в груди начинает пульсировать чаще. Боль была пока ещё тупой, далёкой — но он знал: чем ближе он

будет подходить, тем сильнее она станет. Прибор чувствовал заражение. Прибор готовился.

«Через два дня», — сказал тогда Директор. Два дня почти прошли. Сегодня, в час пополуночи, он будет стоять перед воротами. А пока — Контора, допрос, бумаги. Рутинка. То, что он умел лучше всего — делать вид, что всё в порядке.

Он двинулся дальше. Гигахрущевка ещё долго маячила над крышами, не желая исчезать из виду, и в каждом окне, мимо которого он проходил, ему чудился её силуэт. Он знал: это просто нервы. Просто игра света. Просто тени. Но от этого было не легче.

Здание газовой службы встретило его привычной серой безликостью. Квадратное, двухэтажное, обнесённое забором из стальных прутьев. На парковке стояли те самые УАЗ-452 с жёлтой полосой и надписью «Газовая служба». У ворот курили двое мужчин в синих рабочих спецовках — настоящие газовщики, не из Конторы. Один, пожилой, с обветренным лицом и пышными усами, что-то рассказывал второму — молодому, рыжему, в замасленной кепке. Они обсуждали футбол и нехватку запчастей. Увидев Мишу, пожилой кивнул — просто из вежливости. Миша кивнул в ответ и прошёл внутрь.

Вахтёр дядя Толя сидел на своём обычном месте — за стеклянной перегородкой, у входа в длинный коридор. Семьдесят лет, копна кучерявых седых волос, борода как у Деда Мороза. Он пил чай из гранёного стакана и листал «Правду». Увидев Мишу, он улыбнулся — широко, по-доброму, сверкнув золотым зубом.

— Здорово, Михалыч! Давно тебя не было. Как жизнь?

— Нормально, дядя Толя, — ответил Миша, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— А чего такой хмурый? Случилось чего?

— Работа.

— А, работа, — дядя Толя понимающе кивнул. — Ну, бывай. Заходи, если что.

Миша прошёл мимо него, свернул к лифту. Три раза «стоп», два раза вызов. Лифт дёрнулся и поехал вниз.

Белый коридор Центра встретил его стерильной тишиной. Ни души. Только гул вентиляции где-то за стенами. Миша прошёл мимо дверей с табличками — «Оперативный отдел», «Научно-исследовательский отдел», «Медицинский

отдел» — и остановился у двери с надписью: «Заместитель начальника оперативного отдела Сергей Валентинович». Он не стал стучать. Просто открыл дверь и вошёл.

Кабинет тонул в полумраке. Зелёная лампа на столе горела, как всегда, выхватывая из темноты папки, красный телефон и неподвижную фигуру за столом. Сергей Валентинович сидел в своём кресле — прямой, безупречный, в зелёном костюме-тройке. Трость с серебряным набалдашником стояла у края стола. Чёрные очки скрывали глаза. На губах — ни тени улыбки. Он ждал.

— Михаил, — произнёс он ровным, холодным голосом.
— Присаживайтесь.

Миша сел на стул напротив. Стул был жёсткий, деревянный — явно рассчитанный на то, чтобы посетитель чувствовал себя неудобно.

— Я должен задать вам несколько формальных вопросов, — Сергей Валентинович открыл папку, лежащую перед ним на столе. — О событиях ночи с девятнадцатого на двадцатое сентября.

— Задавайте.

— Вы находились в квартире Анны Николаевны в момент инцидента?

— Да.

— Что вы там делали?

— Мы приехали к ней домой после смены. Она была в неадекватном состоянии — последствия заражения. Я остался, чтобы убедиться, что с ней всё в порядке.

Сергей Валентинович сделал пометку в папке. Его лицо оставалось абсолютно бесстрастным. Чёрные линзы смотрели прямо на Мишу, и тот снова почувствовал это странное, неприятное ощущение — будто его сканируют, просвечивают насквозь.

— В котором часу это произошло?

— Около двух ночи. Я не смотрел на часы.

— Что именно произошло?

Миша помедлил. Он знал, что от его ответа ничего не зависит. Контора уже всё знала. Возможно, знала больше него.

— Она встала с кровати и подошла к окну. Я проснулся, когда она уже стояла на подоконнике. Я пытался её остановить, но не успел.

— Она что-нибудь говорила?

— Говорила. Но это был не её голос.

Сергей Валентинович чуть наклонил голову — едва заметное движение, которое могло означать интерес, а могло и не означать ничего.

— Что именно?

— Какие-то цифры. И ещё что-то про то, что я должен вспоминать. Я не разобрал.

Сергей Валентинович снова сделал пометку. Молчание затянулось. Потом он закрыл папку и положил руки на стол — в коричневых перчатках, неподвижные, как у восковой фигуры.

— Формальная часть допроса окончена. Теперь слушайте внимательно, Михаил.

Он снял очки и положил их на стол. Его глаза — белые

яблоки с крошечными чёрными точками зрачков — смотрели прямо на Мишу. Это был взгляд, который не требовал ответа. Он требовал подчинения.

— То, что произошло на станции метро, и то, что случилось с Анной Николаевной, — звенья одной цепи. Вы это понимаете. Я это понимаю. Директор понимает. Мы стоим на пороге событий, которые могут изменить всё. Гигахрущевка — не просто аномалия. Это ворота. И то, что находится за ними, ждёт. Ждёт, когда мы допустим ошибку.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Ваша задача — не просто войти и вернуться. Ваша задача — понять, что происходит внутри объекта. Собрать данные. Оценить угрозу. Всё остальное — вторично. Любые личные мотивы, любые эмоции, любые привязанности должны остаться за воротами. Там, — он чуть повысил голос, — имеет значение только миссия.

Миша молчал.

— Операция абсолютно секретна, — продолжил Сергей Валентинович. — О ней знают четыре человека в этом здании. Для всех остальных вы сегодня ночью отбываете на плановую проверку периметра. Никто из ваших коллег не дол-

жен знать, куда и зачем вы идёте. Это приказ не мой — Директора.

Он надел очки.

— Состав группы: вы, Артем Викторович, четверо бойцов УГБР. Вопросы?

Миша покачал головой.

— Тогда свободны. В час пополуночи жду вас здесь. Инструктаж проведёт Артем Викторович.

Миша встал. Сергей Валентинович уже не смотрел на него — он открыл другую папку и углубился в чтение. Разговор был окончен.

В коридоре Миша прислонился спиной к холодной белой стене и закрыл глаза. Боль в груди утихала — АС-2 успокаивался, возвращаясь к своему обычному, ровному ритму. Он постоял так минуту. А потом вспомнил про папку. Она лежала во внутреннем кармане пальто — тонкая, лёгкая, но почему-то казалась тяжёлой, как кирпич.

Он оттолкнулся от стены и направился не в оперативный отдел, а в противоположную сторону — туда, где находился кабинет начальника Медицинской службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.